БЕЛАРУСЬ ПОМНИТ

Апполина Лицкевич-Байрак
в Великую Отечественную войну
командовала саперно-минерным взводом,
а затем и ротой.
Лично обезвредила 800 мин.
Военный инженер, строевой офицер — словно и не о женщине это.
Бойцы, закаленные в сражениях, восхищались ее мужеством.
Она награждена орденами Красной Звезды,
Отечественной войны II степени,
медалями «За отвагу», «За победу над Германией
в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Суровой нитью прошитая судьба

Этой удивительной женщине 5 мая 2024-го исполнилось бы 100 лет. О судьбе Апполины Лицкевич-Байрак мы узнали благодаря витебчанину Павлу Лицкевичу, который принес в редакцию дневники своей бабушки. «Это не книга, это живой рассказ о всех жизненных перипетиях человека той суровой поры, пусть и ее имя, о ее судьбе знают не только в нашей семье», — с этими словами он оставил 11 рукописных тетрадей.

Смерть матери и ссылка отца

Детство Апполины на хуторе Козы-Бигозы Полтавского района Омской области было трудным, полным лишений и словно готовило ее к еще более тяжелому испытанию, каким стала для народа война. Мать девочки умерла от заражения крови вскоре после родов. Апполину с пеленок растил отец, его влияние сказалось в том, что росла она боевой, отважной, никому не давала себя в обиду, верховодила не только ровесниками, но и ребятами постарше.

«Тудности и мученья принял мой молодой отец, пока поднял меня на ноги. Он выезжал в поле, брал запеленатое дитя с собой и в придачу бутылочку молока. Укладывал меня на межу, а сам пахал и сеял. Вечером топил печь, варил еду на сутки и ложился спать, положив меня под бок. А расплачусь я, и отец мой в голос плакал от жалости ко мне», — из воспоминаний Апполины Лицкевич-Байрак.

Исповедь всей ее жизни — в 11 рукописных тетрадях, которые бережно хранятся у внука Павла Лицкевича.

— Рукописи бабушка возила в Москву в издательство «Молодая гвардия», и в 1989 году небольшая их часть вошла в книгу «Я — сапер» ее авторства. Я тоже ездил с ней в издательство, было мне лет шесть, и это осталось ярким впечатлением детства. Бабушка меня очень любила, не случайно на обложке каждой ее тетради надпись: «Внуку своему Павлу Валерьевичу Лицкевичу посвящаю». Жаль, что многие моменты из ее рукописей остались неопубликованными, — говорит Павел Лицкевич.

Рукопись Апполины Лицкевич-Байрак я прочла на одном дыхании, с комом в горле, и словно поговорила с ней, как с живой. Сожалею, что мои дедушка и бабушка, пережившие ту же эпоху и рано ушедшие, не могут вот так же говорить со мной через рукописные строчки своих воспоминаний. Какой же ценностью обладает семья Павла Лицкевича!

В три года, когда Апполина хотела есть, она забиралась под корову и пила из ее вымени. Корова была спокойная и позволяла девочке то же, что и теленку. А потом единственной кормилицы на подворье не стало — Никона Байрака раскулачили. Эксплуатацию детского труда вменили ему за то, что взял в дом сироту постарше, чтобы она присматривала за Апполиной и доила корову, пока он в поле. Забегая вперед, скажу, что отца Апполины реабилитируют, восстановят в избирательных правах, вернут паспорт, но сколько же пришлось пережить до этого оправдательного решения.

Сотни раскулаченных людей согнали на баржу в трюм и повезли по реке Оби в таежный край — в село Александрово Томской области. Болезни и голод сопровождали их в пути. Не все прибыли на место. Тот, кто сошел на твердую землю, при виде большого села испытал радость, но была она преждевременной. Трудпереселенцев (так называли их в 1930-е годы) поселили отдельным лагерем за колючей проволокой. Взрослые сделали небольшой подкоп для детей и отправляли их в село обменивать уцелевшие вещи на продукты, среди ребят была и Апполина. Но жители Александрово заперли от них ворота и двери, а потом спустили собак. Для местных трудпереселенцы были «врагами народа», не вызывавшими сочувствия.

Вместе с Никоном Байраком и Апполиной в тайгу была сослана жена его убитого товарища Домна со своей дочерью Дусей. Апполина очень полюбила Домну и называла ее мамой, а со временем начала считать, что она родная ей по крови, настолько душевной и ласковой была эта познавшая утраты женщина.

«Настала осень. Зашумела тайга. Пошли затяжные дожди. Когда выпал первый снег, всем лагерным разрешили в селе строить теплые землянки. Отец облюбовал себе место в районе рыбтреста недалеко от реки. Вдвоем с мамой начали рыть котлован. Лагерным выделили подводы для подвозки леса. Появились строительные бригады. Наш котлован обшили изнутри бревнами. Пол тоже был из отесанных бревен. Сделали маленькое оконце, поставили из бочки железную печку. Отец смастерил нары, стол из необструганных досок, несколько небольших скамеек. Тепло стало. Уютно. Мы с Дусей радовались, прыгали, скакали, пели», — из тетради № 2 Апполины Лицкевич-Байрак.

Постепенно жизнь трудпереселенцев наладилась, они много работали и построили настоящие дома, завели скот, огороды, подружились с местными жителями. На столе семьи Байрак появились кедровые орехи, рыба, осетровая икра, масло, сметана. Зимой взрослые и дети устраивали веселые катания на деревянных коньках по реке и в самодельных санках с горы.

Прибавила возраст, чтобы попасть на фронт

Апполина росла отчаянной девчонкой. Когда вор забрался к ним в кладовую за мешком муки, она бросилась за ним вдогонку и пробежала несколько километров по тайге, настигнув похитителя, 17-летнего парнишку. Мука была возвращена. В школе она не только отлично училась и много читала, но и выполнила нормативы по стрельбе, одна из немногих получив значок «Ворошиловский стрелок». Как всё это пригодилось ей, когда в 1942-м Апполину зачислили курсантом Московского Краснознаменного военно-инженерного училища. Режим нагрузок там был неимоверный, но худощавая невысокая Апполина всё выдержала. Все 75 выпускниц училища стали командирами саперных взводов. Это был первый и единственный выпуск офицеров-девушек в инженерных войсках в годы Великой Отечественной войны. Она могла бы служить в штабе, но настояла, чтобы ее отправили на передовую. И возраст себе прибавила: в ее военном билете датой рождения значится 1923-й, хотя Апполина появилась на свет в 1924 году. Стремилась попасть на фронт с той поры, как в 1941-м под Ленинградом в сражении с фашистами погиб ее отец.

Она помнила, как сжималось сердце, когда с берега Оби провожала на пароход его и других мужчин-добровольцев.

«Это было жуткое зрелище. Играли оркестр, гармошки, баяны. Мужчины пытались бодриться, лихо танцуя и выделывая какие-то коленца. На пристани собралось все село. Кто смеялся, кто плакал, кто-то кого-то успокаивал. Отец обнял меня. Тут послышалась резкая команда, пароход дал первый гудок, затем второй. Отцы, братья, мужья поднялись на палубу. Женщины заголосили. Плакали дети, деды, бабушки. Всё на берегу ревело и рыдало. Прогудел третий гудок. Отец запел песню «Ревела буря...», — из тетради № 5 Апполины Лицкевич-Байрак.

Эта старинная песня XIX века, которая описывает гибель казачьего атамана Ермака в водах Иртыша, входила в репертуар Фёдора Шаляпина. Отец Апполины имел зычный голос, который также пронизывал людей.

«Еще долго были слышны прощальные гудки парохода и удаляющийся звук знакомой песни. На душе было тоскливо. Казалось, что кончилась жизнь. Село опустело. Даже дети притихли и не шалили», — делилась горем с зеленой ученической тетрадью Апполина Лицкевич-Байрак.

Но вот настало время отомстить фашистам за отца, и она смогла это сделать. Апполина Байрак, постоянно работая на разминировании, бывала на волосок от гибели, но, спасая людей, не думала о себе. В Чехословакии их взвод вошел в город Прешов, к ним подбежал ксендз и сказал, что костел, в котором начали размещать госпиталь, заминирован. Здание большое, в центре города. Как обычно саперы начали проверку с подвала.

Под лестницей со стороны стены Апполина услышала легкое тиканье часового механизма — мина! Она приказала оцепить костел, вывести людей и направить движение транспорта по другой улице. А часы продолжали тикать, отсчитывая минуты, а быть может, секунды до взрыва.

Апполина с большой осторожностью снова спустилась в подвал, определила, в каком именно месте замурован часовой механизм. При тусклом свете фонарика начала тихонько ножичком счищать штукатурку, сантиметр за сантиметром.

«Часы тикали, а у меня немели кончики пальцев. Одно счастье, что цемент еще крепко не схватился и легко поддавался. Наконец я добралась до тайника. Специальной отверткой повернула стрелку с красной черты на синюю, механизм остановился. У меня от напряжения подкосились ноги. Я села прямо на пол. Но это еще не всё. Теперь нужно найти взрывчатку. С большой осторожностью начала передвигать различный хлам, хранившийся в подвале, памятуя, что там может быть мина натяжного действия. Достаточно не заметить проводок, как произойдет взрыв, а по детонации взорвется вся заложенная взрывчатка и на воздух взлетит здание», — из тетради № 9 Апполины Лицкевич-Байрак.

Пока из подвала выносили найденную взрывчатку, наступила ночь, только тут саперы почувствовали, что во рту у них за день не было ни крошки. Ксендз, не отходивший из костела ни на минуту, пригласил их к себе на чашку чая. Он был тронут самоотверженностью Апполины и подарил ей серебряный крестик с рубиновым камушком, но она не подозревала о его настоящей ценности и считала безделушкой, и потом даже не могла понять, куда этот крестик подевался.

Из Прешова взвод двинулся в город Ружомберок, расположенный в горах.

«Все горы я знаю в Чехословакии, потому что мне самой приходилось делать их прическу: Большая Фатра, Малая Фатра, Белые Карпаты, Западные Карпаты. Не один десяток километров излазили и исползали саперы, очищая от мин горную местность и долины, очень трудно было, но мы должны, обязаны были это сделать, чтобы спокойно могли ходить люди, чтобы бегали дети, не погибал скот», — для Апполины Лицкевич-Байрак спасти жизни других было важнее всего.

В лесной местности ей помогали минно-розыскные собаки.

«Во взводе специально обучали собак. Нюх у них хороший, они слышат взрывчатку за много метров. Моя собака Нелька себя оправдала. Ни разу не подводила. Характерно, что собака-сапер никогда не отвлекается. На убегающего из-под лап зверька даже не посмотрит. Она работает. Когда погибает такая собака, то ее очень жалко. Понимаешь, что погиб лучший друг, который оберегал тебя самого. Погибли труды, которые потратил на обучение. Трудно было найти новых собак. Случайно если поймаешь беспризорную, одичавшую, то с ней намучаешься, прежде чем обучишь, но преданней ее потом не сыскать», — вспоминала Апполина Лицкевич-Байрак верность четвероногих друзей саперов.

Когда настал мир...

Демобилизовали Апполину в декабре 1946 года. На проводах офицеры преподнесли ей ажурный синий платок, и она «выкупила» его песней о синем платочке.

Судьба привела Апполину Лицкевич-Байрак на Витебщину, в Городок, где началась ее мирная жизнь. Замужество, рождение двоих сыновей, заочная учеба в Ленинградском библиотечном институте, работа заведующим библиотекой Городокского совхозатехникума, награждение медалью «За трудовую доблесть» — и это хранят пожелтевшие странички рукописей. Возможно, когда-то их издадут полностью, с сохранением стиля Апполины Лицкевич-Байрак и всего ею пережитого.

Екатерина ПУЧКОВА.

Фото из семейного архива Павла Лицкевича.

Орфография и пунктуация автора дневников сохранена.